

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ,  
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**  
(Всероссийская научная конференция с международным участием)

© 2023 г. Н. В. Варламова\*, Т. А. Васильева\*\*

*Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

\*E-mail: varlam\_n@list.ru

\*\*E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 28.11.2022 г.

**Аннотация.** 25 октября 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы». В ее работе приняли участие представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси, Казахстана, Вьетнама. На конференции был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с разнообразием теоретических интерпретаций прав человека, формированием концепции конституционного статуса человека, обеспечением и защитой конкретных прав человека. Особое внимание было уделено влиянию на эти процессы современных достижений нейронаук, генной инженерии, а также широкого использования цифровых технологий.

**Ключевые слова:** права человека, конституционный статус человека, традиционные ценности, универсальные стандарты прав человека, нейронауки, генная инженерия, искусственный интеллект, цифровизация.

**Цитирование:** Варламова Н. В., Васильева Т. А. Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2023. № 3. С. 165–187.

DOI: 10.31857/S102694520024781-0

**HUMAN RIGHTS: TRADITIONAL VALUES,  
UNIVERSAL STANDARDS, NEW CHALLENGES**  
(The All-Russian Scientific Conference with international participation)

© 2023 N. V. Varlamova\*, T. A. Vasilieva\*\*

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow*

\*E-mail: varlam\_n@list.ru

\*\*E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 28.11.2022

**Abstract.** On October 25, 2022 the Institute of State and Law of the Russian Academy of Science hosted the All-Russian Scientific Conference with international participation “Human rights: traditional values, universal standards, new challenges”. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus, Kazakhstan, Vietnam. The conference examined a wide range of problems related to the diversity of theoretical interpretations of human rights, the formation of the concept of constitutional status of a person, and the enforcement and protection of human rights. Particular attention was paid to the influence on these processes of modern achievements of neuroscience, genetic engineering, as well as extensive use of digital technologies.

**Key words:** human rights, constitutional status of a person, traditional values, universal human rights standards, neuroscience, genetic engineering, artificial intelligence, digital technologies.

**For citation:** Varlamova, N. V., Vasilieva, T. A. (2023). Human rights: traditional values, universal standards, new challenges (The All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 165–187.

25 октября 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы». В ее работе приняли участие более ста ученых, представляющих девять субъектов Российской Федерации, и более 30 ведущих научных учреждений и вузов России, а также исследователи из Беларуси, Казахстана, Вьетнама.

Пленарное заседание конференции открыл доклад **советника Президента РФ, председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В.А. Фадеева**. Он подчеркнул, что Всеобщая декларация прав человека<sup>1</sup> — это противоречивый и в правовом отношении во многих аспектах трудно реализуемый документ. Однако он пронизан гуманизмом и жестко заявляет неприятие тирании, и в этом его главное значение для человечества. Это общественный идеал, с которым согласны многие на Западе, но далеко не все на Востоке. Институт прав человека — великое завоевание, однако он базируется на западном мировоззрении, основанном на индивидуализме, что не позволяет объединить человечество. Индивидуализм не следует навязывать тем народам, которым он не свойствен. Индивидуальные права человека не должны диссонировать с общественным благом. Общность в понимании прав человека необходимо достигать на базе уважения всех народов, признания разных путей развития, обеспечения гармонии между правами индивида и правами общества и его отдельных групп.

Сегодня на международном уровне требуется организовать работу по поиску консенсуса в области прав и свобод человека при полном равноправии участвующих в этом процессе народов. Это будет способствовать преодолению кризиса, формированию новой, более справедливой модели мироустройства.

С приветственным словом к конференции обратилась **Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Москалькова**. Программа конференции, по ее мнению, позволяет рассмотреть проблематику прав человека сквозь призму уважения национальных ценностей, взаимодействия различных культур и религий, обеспечения государственного суверенитета, формирования многополярной системы международных отношений, развития новых технологий, реформирования органов публичной власти и социальной сферы в России в связи с принятием в 2020 г. поправок к Конституции РФ.

<sup>1</sup> Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г. (см.: Росс. газ. 1998. 10 дек.).

Конструктивная работа участников конференции придаст новый импульс дальнейшему развитию теории и практики защиты прав человека.

**Сопредседатель Ассоциации юристов России, д-р юрид. наук В.Н. Плигин (ИГП РАН)** отметил, что в XXI в. человек осознает гарантированность своих прав и их незыблемость, хотя понимание того, что права человека есть высшая ценность, заняло целые столетия. Он проследил развитие правовой доктрины, национального и международного регулирования в данной сфере и показал, что результатом общественного прогресса стали расширение каталога основных прав и свобод человека и конкретизация их содержания, признание прав человека на международном уровне, возложение на государства обязанностей по их обеспечению и защите.

**Первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, канд. юрид. наук И.В. Чечельницкий** обратил внимание на необходимость разработки новой концепции прав человека, основанной на российских традиционных ценностях, справедливом балансе общего блага и личных интересов граждан. В современных условиях правозащитная деятельность все больше ориентируется на совместную работу органов государственной власти и институтов гражданского общества по восстановлению прав человека, нарушенных несправедливыми законами или решениями отдельных чиновников.

В своем выступлении **д-р юрид. наук, проф. С.А. Авакьян (МГУ им. М.В. Ломоносова)** подчеркнул, что разговор о конституционном статусе личности в последнее время приобретает странный характер: всем понятна его важность и вместе с тем зачастую малая полезность. Превалирующим является потребительский подход, в котором доминирующее значение имеют проблемы обеспечения жизнедеятельности человека как физического существа. Безусловно, это необходимо. Но есть же и другая ипостась человека: он существо общественное, способное активно проявлять себя в публичных делах — государственных, социальных, культурных. Как известно, объединение таких личностей, которым безразлично, что происходит вокруг, для участия в решении государственных и общественных дел называют социумом. В регулировании конституционного статуса личности в последнее время наблюдается резкое увеличение внимания к блоку прав и свобод, которые позволяют раскрыть заложенный в человеке потенциал социальной активности. Разумеется, это требует формирования соответствующей общественной обстановки. Все это нашло отражение в положениях Конституции РФ, появившихся в ней в результате реформы 2020 года. Сегодня можно констатировать государственно-правовой подход к человеку

как к общественному существу, непосредственно-му участнику большинства социально-политических процессов.

Доклад д-ра юрид. наук, доц. **Т.А. Васильевой (ИГП РАН)** был посвящен концепции достоинства человека, которая в настоящее время является базовой для международной и национальных систем защиты прав человека. В основе этой концепции лежит идея признания различий и разнообразия, возможности человека самостоятельно определять свою судьбу и образ жизни. Конституции подавляющего большинства стран содержат положения об уважении достоинства человека. В практике органов конституционного контроля они используются для определения границы между сферами индивидуальной свободы и допустимого вмешательства государства, а также для установления наиболее серьезных нарушений основных прав и свобод, приводящих к унижению достоинства человека.

В самом общем виде можно выделить три группы конституционных споров, касающихся достоинства человека, — связанные с уважением автономии человека, его права на принятие индивидуальных решений; обеспечением достойного уровня жизни; защитой от действий представителей публичной власти и третьих лиц, ущемляющих достоинство. В последнем случае особо актуально обеспечение физической и психической неприкосновенности лиц, находящихся под контролем государства (задержанные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, пациенты психиатрических больниц, военнослужащие и т.п.). Практика органов конституционного контроля свидетельствует о том, что содержание концепции достоинства человека видоизменяется с течением времени, отражая эволюцию во взглядах и моральных ценностях, обусловленную развитием общественных отношений, культуры, появлением новых технологий.

На тесную связь тематики прав человека в юридической науке с анализом соотношения правовых и иных социальных норм обратил внимание д-р юрид. наук, проф. **Л.Р. Сюкияйнен (НИУ ВШЭ)**. Взаимодействие права, нравственности и религии в последнее время привлекает особое внимание. В нашей стране это наглядно проявилось в ходе дискуссии вокруг проблемы юридической защиты чувств верующих. Агрессивный неолиберализм, охвативший многие государства, обострил вопрос о моральной оценке прав лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Заметный рост мусульманских меньшинств на Западе привел к конфликтам на почве противостояния различных представлений о правах и свободах человека.

Для поиска решений всех этих проблем представляет интерес исламская концепция, которая исходит из того, что юридически признаваемые

права и свободы человека не могут нарушать точно установленные предписания шариата. Исламский подход к правам человека и соответствующая правовая практика подтверждают выдвинутый рядом исследователей тезис о наличии у прав человека естественных пределов, заданных религиозными постулатами. Исходя из этого, можно полагать, что единые универсальные стандарты прав человека могут быть реализованы в условиях различных цивилизаций только в рамках присущих им культурных и религиозно-нравственных ценностей. Глобализация привносит немало нового в формы и результаты взаимодействия права, нравственности и религии. Наблюдается формирование культурной и духовно-нравственной многополярности современного мира. Все это повышает актуальность исследования соотношения права, религии и нравственности при разработке проблематики прав человека.

Доклад д-ра юрид. наук, проф. **В.А. Карташкина (ИГП РАН)** был посвящен вопросам межгосударственного согласования норм о правах человека и различий в их интерпретации. Разработка норм, закрепленных в международных соглашениях, занимает длительное время в связи с различием подходов государств к пониманию отдельных прав человека. При этом процесс формирования международных стандартов в сфере прав человека идет неравномерно: в периоды разрядки международной напряженности он ускоряется, а в условиях обострения взаимоотношений государств замедляется и даже прекращается.

Каким образом государствам удастся принимать международные акты соглашения, возлагающие на них обязательства по соблюдению прав человека? Во-первых, в процессе согласования норм часто не уточняется содержание многих используемых понятий — равенства, свободы, социального прогресса. Трактуют их различным образом, участники международных договоров вкладывают в них и общий демократический смысл.

Во-вторых, государства сознательно идут на многочисленные уступки, исходя из важности разрабатываемых соглашений для всех участников мирового сообщества. Решающую роль играет и возможность использования разных способов осуществления различных прав и свобод, многие из которых сформулированы в общих чертах, без определения их конкретного содержания.

Различные варианты учреждения нового Международного суда по правам человека с участием России обсуждались в докладе члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. **М.И. Клеандрова (ИГП РАН)**. Прекращение членства Российской Федерации в Совете Европы и выход из Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября

1950 г.<sup>2</sup> не означает отсутствие объективной необходимости в международной судебной защите прав российских граждан. Возможно несколько вариантов создания такого Международного суда. Это мог бы быть Суд по правам человека в рамках СНГ. Научная проработка этой идеи осуществлялась во второй половине 1990-х годов. Тогда же были приняты Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств от 24 сентября 1993 г. и Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.<sup>3</sup> Суд по правам человека может быть учрежден в Союзном государстве России и Беларуси. Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства»<sup>4</sup> предусматривалось создание Суда Союзного государства (гл. IV). Однако суд, действующий на основании договора двух государств, вряд ли в полной мере может считаться международным. Еще одной альтернативой могло бы стать создание Азиатского Суда по правам человека на базе Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений<sup>5</sup>. Но будет непорочно совместить понимание прав человека в рамках мусульманской, конфуцианской и иных правовых традиций.

Несмотря на все сложности формирования нового Международного суда по правам человека с участием России, такой орган необходим. Но при этом невозможно признание нашей страной юрисдикции двух и более международных судов по правам человека, поскольку неизбежны расхождения между их правовыми позициями, которые будут складываться в их практике. Созданию нового Международного суда по правам человека должно предшествовать принятие нового базового международного акта о правах человека (хартии, конвенции), в котором необходимо зафиксировать не только права человека, уже устоявшиеся и признанные во всех государствах ее участниках, но и новые, еще только складывающиеся права: право на здоровую окружающую среду, цифровые права, права в сфере генной инженерии, искусственного интеллекта и др.

Доклад члена-корр. НАН Беларуси, д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Василевича (Белорусский государственный университет) был посвящен проблеме конституционного закрепления общечеловеческих ценностей. В современных условиях вопрос

о содержании ценностей, которые должны получать правовое признание, становится предметом острой дискуссии. Обычно к общечеловеческим ценностям относят разделяемые всем мировым сообществом социальные, политические и нравственные идеалы, содействующие социальному прогрессу и развитию человеческой личности. Антиподом им выступают ценности, часто выдаваемые за современные, которые ведут к деградации общества, нравственности и морали.

Конституционные изменения, которые произошли в Российской Федерации в 2020 г. и в Республике Беларусь в 2022 г., выявили стремление народов этих стран сохранить свои исторические и культурные ценности, противостоять современным негативным тенденциям. Особую значимость приобретает закрепление в учредительных актах норм о сохранении памяти о героическом прошлом наших народов (ст. 67.1 Конституции РФ, ст. 15, 54 Конституции РБ). Признавая высшую ценность прав и свобод отдельного человека, белорусский конституционный законодатель (народ) закрепил в Конституции положение о долге каждого проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21).

Таким образом, конституционная доктрина и конституционные тексты наших государств нацеливают нынешнее и будущее поколения на сохранение идентичности народа, которому есть чем гордиться и что отстаивать.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ) акцентировалось внимание на радикальных изменениях социального и правового бытия человека, обусловленных стремительным развитием новых информационных технологий. Философы говорят об утрате человеком своей идентичности, антропологической данности. Вместе с тем невозможно отрицать и положительные аспекты цифровизации, прежде всего ускорение и упорядочение процесса обработки и хранения большого массива данных, необходимых для осуществления многих социальных функций. В этой связи возрастает роль правовых регуляторов этого процесса, ведется поиск адекватных методов регулирования. Необходимо провести диагностику состояния современного права, его способности реагировать на цифровые вызовы, извлечь уроки из опыта решения аналогичных задач в мировой практике. Отдельного рассмотрения заслуживают проблемы «роботизации правосудия», а также перехода к новым формам «цифровой демократии».

В целом пришествие «цифровой цивилизации» требует не только традиционных нормативных, позитивно-правовых методов реагирования, но и использования антропологического

<sup>2</sup> См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

<sup>3</sup> См.: СЗ РФ. 1999. № 13, ст. 1489.

<sup>4</sup> См.: СЗ РФ. 2000. № 7, ст. 786.

<sup>5</sup> См.: Устав Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений. Принят в Джакарте 12 июля 2010 г. URL: [http://aacc-asia.org/content/statute/9\\_AACC%20Statute\\_RU.pdf](http://aacc-asia.org/content/statute/9_AACC%20Statute_RU.pdf) (дата обращения: 12.11.2022).

и социологического подхода. Только их сочетание позволит более эффективно адаптировать правовое бытие человека к новым условиям, перенастроить правовую систему и в конечном счете обеспечить обновление статуса личности, претендующей на новые права.

На проблеме согласования частных и публичных интересов при обеспечении прав человека в связи с развитием генетических технологий остановилась **д-р юрид. наук В.В. Лапаева (ИГП РАН)**. Данная проблема актуализируется в контексте формирования персонализированной медицины, основанной на учете генетических особенностей пациента. Наряду с открывающимися заманчивыми перспективами это несет в себе и риски, связанные с тем, что персонализированная медицина может «перетянуть на себя» ресурсы, необходимые для развития общественного здравоохранения в целом.

Другое направление поиска баланса частных и публичных интересов в сфере применения генетических технологий обусловлено наметившимся отходом от доминировавшего ранее безоговорочного запрета на редактирование наследуемого генома человека, сегодня взят курс на обеспечение возможности лечения посредством такого редактирования генома в рамках жестких правовых ограничений и при строгом контроле за их соблюдением. Проблема заключается в том, что отказ от запрета на редактирование наследуемого генома открывает перспективы не только для лечения, но и для т.н. совершенствования человека, т.е. улучшения его физических и когнитивных характеристик. А это создает предпосылки для качественно нового неравенства, чреватого биосоциальным расколом человечества. Однако с правовой точки зрения отказ от безоговорочного запрета в пользу его правовых ограничений обоснованный, поскольку в противном случае имела бы место дискриминация определенной группы лиц на основании особенностей их генетического статуса по сравнению с теми, кто может лечиться с помощью генетического модифицирования соматических (т.е. не передающихся по наследству) клеток. Безопасность избранной стратегии будет зависеть от того, удастся ли создать эффективную систему контроля за исследовательской и клинической практикой в данной сфере и обеспечить ее правовое регулирование на глобальном уровне. Любой иной уровень регулирования проблему не решит, поскольку спрос на т.н. дизайнерских детей будет удовлетворяться путем репродуктивного туризма и формирования рынка криминальных услуг.

Документы международных и наднациональных организаций, в которых определяются основные подходы к обеспечению социальных прав в условиях кризисов, были проанализированы в докладе

**канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН)**. Кризисные и чрезвычайные ситуации обычно сопряжены с нехваткой материальных и финансовых ресурсов. В связи с этим государства обращаются к стратегии временного ограничения социальных прав. Хотя дерогация международно-правовых обязательств по обеспечению социальных прав в период чрезвычайной ситуации невозможна<sup>6</sup>, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в замечаниях общего порядка определил условия их допустимых ограничений. Прежде всего сокращение объемов обеспечения социальных прав применяется в интересах защиты уязвимых групп населения<sup>7</sup>, нуждающихся в дополнительных мерах поддержки государства из-за несоразмерности ущерба, причиняемого их жизни и здоровью в условиях кризиса<sup>8</sup>. Однако запрещается произвольный регрессивный пересмотр социальных обязательств: требуется тщательное рассмотрение их обоснованности и полноты максимально возможного использования имеющихся в распоряжении государства ресурсов применительно к каждому случаю. Не могут быть ограничены социальные обязательства безотлагательного характера, предполагающие обеспечение социальных прав на минимальном уровне и без какой-либо дискриминации<sup>9</sup>. Применение регрессивных мер и ограничение минимальных стандартов предоставления социальных прав могут стать предметом судебного рассмотрения, в том числе на наднациональном уровне.

Оценке моратория на банкротство с точки зрения конституционных положений, и прежде всего свободы экономической деятельности, был посвящен доклад **члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук А.В. Габова (ИГП РАН)**. Данный мораторий был установлен в 2020 г. в качестве меры защиты

<sup>6</sup> См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4). Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 220 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

<sup>7</sup> См.: Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Двадцать вторая сессия (2000 г.). Замечание общего порядка № 14 — Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) (п. 28). Замечания общего порядка приводятся по базе данных договорных органов ООН: Объединенные нации. Права человека. Управление Верховного Комиссара. URL: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/human-rights-treaty-bodies-general-comments> (дата обращения: 02.11.2022).

<sup>8</sup> См.: Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Семнадцатая сессия (1997 г.). Замечание общего порядка № 8 — Связь между экономическими санкциями и уважением экономических, социальных и культурных прав (п. 7).

<sup>9</sup> См.: Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Пятая сессия (1990 г.). Замечание общего порядка № 3 — Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 Пакта) (п. 9, 10).

от банкротства юридических лиц, оказавшихся в сложной ситуации в результате эпидемии коронавируса и введения различного рода ограничений, направленных на предотвращение ее распространения. В связи с пандемией высказывались мнения о целесообразности введения чрезвычайного положения, однако использование этого конституционного механизма не позволило бы достичь указанных целей в силу положения ст. 56 Конституции РФ о недопустимости установления дополнительных ограничений целого ряда прав и свобод, в том числе предусмотренных ч. 1 ст. 34 и ст. 46 Конституции РФ, в условиях чрезвычайного положения. А иных правовых средств реагирования, релевантных масштабу чрезвычайных обстоятельств, наше право на тот момент не имело.

Мораторий — это институт, который традиционно использовался для облегчения положения кредиторов, оказавшихся в затруднительной ситуации. Известны две его формы: индивидуальный и всеобщий (генеральный) мораторий. Первый вид моратория используется в российском законодательстве о банкротстве с 1992 г., а второй масштабно применялся в нашей стране только в период Первой мировой войны; после нее он использовался крайне редко. Гражданский кодекс РФ лишь вскользь упоминает о моратории в ст. 202 как об отсрочке исполнения обязательств, без какой-либо конкретизации. Иных положений о моратории до 2020 г. наше право не содержало. Между тем для защиты интересов граждан в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, которые затрагивают либо значительную часть, либо все население определенной территории и даже страны в целом, этот институт при надлежащем регулировании весьма эффективен. Специфика всеобщего (генерального) моратория, которая и предопределяет интерес к нему, — это «снятие» проблемы доказывания лицом того факта, что чрезвычайные обстоятельства создали для него сложную ситуацию вплоть до невозможности исполнения обязательств. Регулирование генерального моратория в России в настоящее время является несовершенным, причем в самых принципиальных элементах. Во-первых, данный мораторий не является мораторием только на банкротство, а имеет более значительные последствия.

Во-вторых, часто не обращается внимание на то, что этот мораторий может быть введен и в период экономических кризисов. И в этом смысле мораторий, как и чрезвычайное и военное положение, представляет собой институт, цель которого — обеспечить интересы граждан и юридических лиц в связи с различными чрезвычайными событиями негативного характера. При этом мораторий — это прежде всего ограничение прав, что требует тщательности в регулировании как его последствий,

так и исключений для его применения, поэтому было бы целесообразно подумать о регулировании этого института на конституционном уровне.

Поиск форм и методов государственного управления, адекватных условиям становления в мире нового технологического уклада, как подчеркнула **канд. юрид. наук, доц. М.А. Штатина (РУДН)**, приводит к формированию все большего количества специальных административно-правовых режимов — чрезвычайных и ординарных, ограничительных и преференциальных. Они действуют для обеспечения безопасности, охраны и защиты общества, личности и государства, стимулирования развития общественных отношений в определенном направлении, ограничения и пресечения негативных воздействий на общество и человека. Каждый из элементов правовой конструкции специального правового режима (субъекты и объекты режимного регулирования, режимные средства и правила, организационно-юридические гарантии) непосредственно связан с реализацией прав граждан и организаций. Цели и пределы действия всех специальных административно-правовых режимов должны определяться с учетом максимально возможного обеспечения прав человека. Наибольшему воздействию подвергаются права человека в условиях экстраординарных административно-правовых режимов, действующих в условиях угрозы безопасности и в чрезвычайных ситуациях, когда допускается применение мер, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, устанавливаются дополнительные административно-правовые обязанности и запреты, государственным и муниципальным органам предоставляются чрезвычайные полномочия, вводятся особые формы управления территорией. При этом первостепенное значение имеют административно-правовые гарантии прав человека, в том числе надлежащее правовое регулирование и информационное сопровождение специальных административно-правовых режимов.

В докладе **канд. юрид. наук И.И. Бутрима (ИГП РАН)** были проанализированы права и социальные гарантии участников боевых действий и членов их семей, предусмотренные отечественным законодательством. Докладчик дал развернутую характеристику основных элементов статуса военнослужащего как совокупности гарантий, льгот и компенсаций, материальных и правовых условий и средств, обеспечивающих возможность пользоваться предоставленными государством правами. Были раскрыты особенности реализации прав и гарантий военнослужащих в зависимости от правового режима участия в боевых действиях (в частности, при вооруженных конфликтах, в период мобилизации, военного времени и др.). Подробно рассмотрены особенности правового статуса граждан,

призванных на военную службу по мобилизации, лиц, участвующих в боевых действиях в составе добровольческих отрядов, и членов их семей, в том числе проблемы реализации их социально-экономических и трудовых прав и социальных и правовых гарантий (в области осуществления предпринимательской деятельности, налогообложения, исполнительного производства, жилищного обеспечения и др.). По мнению докладчика, с учетом существующей неопределенности начала военной службы (что является ключевым моментом для реализации прав и гарантий) для отдельных категорий участников боевых действий, в частности при призыве по мобилизации, следует законодательно определить в качестве такового дату приказа органа военного управления, например, об отправке к месту службы. Обоснована необходимость законодательного распространения всей совокупности прав и социальных гарантий военнослужащих, проходящих службу по контракту, на все вышеуказанные категории участников боевых действий (мобилизованных, членов добровольческих отрядов) и на иные категории лиц, содействующих выполнению боевых задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, при их использовании за пределами страны, при проведении контртеррористических операций.

По мнению д-ра юрид. наук, проф. В.И. Крусса (Тверской государственный университет), глубинная трансформация миропорядка должна подтолкнуть российскую юридическую науку к выходу из той зоны комфорта, в которой она находилась последние десятилетия. Представляется, что постсоветское правоведение излишне легко отказалось от наработок социалистической теории «подлинных» прав и свобод человека и весьма опрометчиво перешло к апологетике универсальных («общепризнанных») трактовок их сущности, содержания и «демократических стандартов» признания и обеспечения. Корни этой проблемы находятся не на идеологическом, а на мировоззренческом и гносеологическом уровнях. Сегодня проясняются последствия интерпретации и практического признания прав человека в контексте критической переоценки классической научной парадигмы с инновационных позиций неклассики и постнеклассики. Однако права человека более всего «нуждаются» в классических, методологически перспективных концепциях развертывания общих понятий в конкретные характеристики сущего как должного. Докладчик подчеркнул, что заявленная им тема «Права человека. XXI век. *Finita la comedia?*» не является провокационно-риторической или панической реакцией на риски утраты юриспруденцией предметной идентичности. Напротив, его ключевая идея — необходимость доктринально-конституционного обоснования отрицательного ответа на поставленный вопрос.

Национальная юридическая наука должна озаботиться выработкой и экспликацией положений, которые в итоге составят не обезличено «новую», но онтологически и «пристрастно» модулированную конституционную концепцию прав и свобод человека в Российской Федерации как пригодных для практического пользования правомочий личности, продуктивная «селекция, культивирование и взращивание» которых возможны только «на почве» основ конституционного строя России, включая легитимные интерпретации их значения в актах и правовых позициях Конституционного Суда РФ.

Конференция продолжила работу в рамках трех секций. На **первой секции «Конституционные права: проблемы реализации»** обсуждались вопросы обеспечения конкретных прав человека и обоснования их необходимых ограничений.

В докладе канд. юрид. наук Н.В. Путило (ИЗиСП при Правительстве РФ) отмечалось, что все изменения, которые сегодня претерпевают социальные права, можно условно разделить на несколько видов: (1) изменения внутри данной группы прав; (2) изменения «вокруг» данной группы, связанные с гарантиями, механизмами реализации социальных прав; (3) появление новых групп прав человека на основе (с включением в них) социальных прав; (4) формирование новых групп прав человека, тесно связанных с социальными правами.

Особое внимание необходимо уделять использованию информационно-коммуникационных технологий при обращении за получением социальных услуг в широком их понимании и новым подходам к обеспечению доступа к ограниченным, но жизненно необходимым в условиях техногенной цивилизации благам. Так, доступ к сети Интернет, возможность пользоваться ею следует рассматривать как новое общественное благо, которое превращается в потребность первого порядка. Поэтому государство должно обеспечить доступ к Интернету как отдельным группам населения, которые самостоятельно этот доступ получить не могут в силу экономических причин или особенностей состояния человека, так и всем гражданам. Есть все основания включить возможность пользования сетью Интернет в состав социальных прав (прав второго поколения). Потребуется законодательное закрепление новых обязанностей государства по обеспечению такого доступа, включая технические и материально-организационные составляющие (точки доступа, скорость и т.д.). Необходимо также обеспечить финансовую возможность пользования данным правом, а в перспективе — его предоставление на бесплатной основе.

Следует отметить возрастающее значение т.н. прав приоритета, т.е. гарантированных законом

возможностей доступа к тем или иным благам в первоочередном порядке. Такие права были известны в советское время (например, право на установку телефона), но они воспринимались как льготы, не тождественные по своему характеру «полноценным» правам граждан. В настоящее время эти права актуальны практически во всех сферах, в частности в медицине (например, доступ к трансплантатам).

Вопросы обеспечения прав лиц, занятых в гигномике<sup>10</sup>, были в центре внимания **д-ра юрид. наук, доц. И.В. Шестеряковой (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))**. Современные трудовые отношения претерпевают качественные изменения. У работников все более востребованы гибкие формы трудовых отношений, позволяющие сочетать работу с семейными обязанностями, получением образования, творчеством и т.д. Такие возможности предоставляет работа в гигномике. Даная форма занятости позволяет получать доход лицам с ограниченными возможностями, жителям сельских или экономически неблагополучных районов. Однако при этом не гарантируются трудовые права работников. Такие отношения, как правило, не признаются трудовыми, в связи с чем оплата труда может не соответствовать государственным стандартам и быть даже ниже установленного минимального размера оплаты труда, в результате люди вынуждены работать больше, чтобы обеспечить достаточный доход (т.н. облачное рабство), возникают вопросы с последующим пенсионным обеспечением. Работники фактически лишены возможности защищать свои права, поскольку часто работник и работодатель находятся в разных городах, странах и даже на разных континентах. В такой ситуации необходимо принять единые нормы о минимальных трудовых гарантиях для занятых в гигномике. Основу таких норм должны составить международные стандарты в отношении основополагающих принципов и прав в сфере труда.

В докладе **д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Андриченко (ИЗиСП при Правительстве РФ)** отмечалось, что в последние годы в России актуализируется проблема вынужденной миграции. Поиск ее наиболее эффективных решений находится в ряду приоритетных задач. Законодательство Российской Федерации о беженцах было сформировано в начале 90-х годов и в целом соответствует требованиям

Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.<sup>11</sup> и Протокола, касающегося статуса беженцев от 31 января 1967 г.<sup>12</sup> Вместе с тем оно уже не обеспечивает в полной мере потребности реализации государственной миграционной политики России, не учитывает современные вызовы национальной безопасности. Наибольшие проблемы обусловлены тем, что Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»<sup>13</sup> весьма ограничено регламентируются вопросы временного убежища; не урегулировано, пусть даже в самой общей форме, предоставление политического убежища; не устанавливаются процедуры дополнительной защиты, а также временной защиты в случаях экстренного массового прибытия на территорию Российской Федерации иностранных граждан, ищущих убежище (решение этих вопросов передано на подзаконный уровень); практически не регламентируется добровольное возвращение лиц, запросивших или получивших убежище; слабо учитываются особенности статуса отдельных категорий лиц, ищущих убежище (детей, женщин, стариков, инвалидов). Между тем все это — важные инструменты государственной защиты лиц, ищущих убежище. Систематизация законодательства в данной сфере требует комплексного подхода, в рамках которого устанавливались бы единые процедуры и механизмы для предоставления различных видов убежища и соответствующего ему статуса.

На изменение терминологии в нормативных правовых актах Правительства РФ и министерств обратила внимание **канд. юрид. наук Ю.В. Соболевская (Московский институт социологических исследований)**: понятие «клиентоцентричное государство» используется вместо «социального государства», а «клиент» — вместо «гражданина». Это связано с передачей многофункциональным центрам, а также коммерческим и некоммерческим организациям государственных полномочий по организации предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг (ст. 7 Федерального закона от 30.12.2020 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>14</sup>). Деятельность данных структур может выйти за рамки обеспечения удобства получения гражданами соответствующих услуг. Это создает условия для осуществления скрытого контроля и оценки деятельности

<sup>11</sup> См.: Организация Объединенных Наций. Конвенция и соглашения. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/refugees.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml) (дата обращения: 15.11.2022).

<sup>12</sup> См.: там же. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/refugees\\_prot.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml) (дата обращения: 15.11.2022).

<sup>13</sup> См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12, ст. 425.

<sup>14</sup> См.: СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1), ст. 4.

<sup>10</sup> От англ. *gig economy* — кратковременная независимая занятость обычно с использованием цифровых платформ, без фиксированного трудового распорядка и с оплатой за выполненные задания или проекты (по аналогии с музыкальной индустрией, где «гиг» — это однократное сольное или групповое выступление артистов).

государственных и муниципальных органов, анализа и управления поведением граждан, что, в свою очередь, чревато утратой государством полноценного контроля над общественными процессами, а гражданами — своей субъектности во взаимоотношениях с государством.

Социологические исследования показывают, что электронное взаимодействие должностных лиц с гражданским обществом не заменяет живое общение, попытки решения региональных и муниципальных проблем исключительно таким способом оказываются неудачными из-за отсутствия открытости и доверия граждан. Достаточно развитая в России активность местных политиков, реализуемая в неформальном взаимодействии с населением, начиная с 2010-х годов угасает в связи с тем, что нарастающая технитизация ведет к обезличенности коммуникаций и формализации отношений.

Характеристикой современного российского общества является кризис института семьи и снижение уровня родительской ответственности, отметила д-р юрид. наук, проф. **Н.С. Нижник (Санкт-Петербургский университет МВД России)**. Она рассмотрела данную проблему на основе анализа судебной статистики, фиксирующей стабильно высокое количество дел, возникающих из брачно-семейных отношений, в том числе дел о лишении или ограничении родительских прав, причем абсолютное большинство исковых требований такого рода (более 90%) удовлетворяется в ходе судебного разбирательства<sup>15</sup>.

В современной России прослеживается тенденция увеличения числа семей, в которых один или оба родителя являются иностранцами, имеют двойное гражданство, постоянно или временно, полностью или преимущественно проживают за пределами страны. Это отражается на разрешении различных споров между родителями, например, вытекающих из применения искусственных методов репродукции человека.

Вопросы реализации права на судебную защиту затронул **канд. юрид. наук Е.А. Фокин (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ право на судебную защиту не предполагает возможность заявителя по своему усмотрению выбирать конкретные способы и процедуры получения судебной защиты, однако в законодательном регулировании порядка осуществления судебной защиты имеется настоятельная необходимость обеспечения баланса

между потребностями судебной системы и интересами потенциальных заявителей.

В гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве широкое распространение получили сокращенные процедуры рассмотрения дел (упрощенное, приказное, письменное производство). Основаниями для рассмотрения дел в рамках соответствующих процедур являются только цена иска и отсутствие реального правового конфликта. Придание в данном случае юридического значения и позиции заявителя способствовало бы, с точки зрения докладчика, реализации принципа состязательности.

Далее он подчеркнул, что в соответствии с законодательством о рынке ценных бумаг владелец облигаций не может самостоятельно обратиться в суд с иском к эмитенту. Судебная защита предусмотрена по групповому иску всех владельцев облигаций, предварительно избравших своего представителя. Соответствие такого подхода конституционному праву на судебную защиту вызывает серьезные сомнения, реализация данных законодательных предписаний порождает также сложности на практике.

В докладе **канд. филол. наук, доц. А.К. Соболевой (НИУ ВШЭ)** обсуждались проблемы допустимости ограничения свободы выражения мнения в целях защиты репутации органов власти. Как и многие другие права человека, свобода выражения мнения может быть ограничена федеральным законом в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с изменениями, внесенными в российское уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях, которые направлены на поддержание авторитета органов публичной власти и практически исключают критику выполнения ими своих функций. Между тем в доктрине и судебной практике обосновывается, что органы исполнительной власти не должны иметь правовых оснований для защиты чести, достоинства или деловой репутации.

Наиболее полное выражение данная позиция нашла в решении Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2022 г.<sup>16</sup> Суд отметил, что органы исполнительной власти, наделенные публично-властными полномочиями, существенно отличаются от юридических лиц, конкурирующих на рынке и заинтересованных в хорошей репутации для привлечения клиентов с целью получения прибыли, поскольку они существуют для того, чтобы служить обществу, и финансируются налогоплательщиками. Для предотвращения злоупотребления властью и коррупции в демократической

<sup>15</sup> См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. (Раздел 2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 18.11.2022).

<sup>16</sup> См.: ECtHR. *ООО MEMO v. Russia*, Application No. 2840/10. Judgment of 15 March 2022.

системе деятельность государственных органов всех видов должна быть предметом пристального внимания не только законодательных и судебных властей, но и общественного мнения. Как указал Суд, защита от диффамации юридического лица, осуществляющего публичную власть, по общему правилу не может рассматриваться как преследующая легитимную цель «защиты репутации других лиц». Такой подход не лишает отдельных государственных служащих, прямо названных в публикации или легко идентифицируемых, подавать иски в личном качестве, если затронуты их честь и достоинство. Кроме того, в качестве легитимной цели признается защита авторитета правосудия в силу особой роли судебной власти в обществе.

На критериях обоснованности уголовно-правовых ограничений свободы слова и информации в сети Интернет остановилась **канд. юрид. наук, доц. С.М. Мкртчян (Волгоградский государственный университет)**. Данные критерии, по ее мнению, можно разделить на формальные (лексические и грамматические приемы выражения мыслей, идей и взглядов) и содержательные (направленность и содержание распространяемой информации). Все они имеют своим основанием положения Конституции РФ о допустимых ограничениях свободы слова и информации (ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 55). В последнее время обострилась проблема восприятия обществом требований уголовного закона, ограничивающих свободу слова и информации, в том числе вновь установленных. Причины этого видятся в отсутствии разъяснительной работы с населением, несовершенстве технико-юридических приемов конструирования соответствующих составов преступлений и административных правонарушений, отсутствии единообразной правоприменительной практики и стремлении судебных органов ограничиваться только формальными критериями, неверном понимании существа свободы информации как не подлежащей никаким ограничениям и реализуемой в зависимости от предпочтений каждого человека. Между тем ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. содержит широкий перечень оснований для ограничения прав и свобод человека, в том числе указывая на его моральную (ч. 2) и социальную (ч. 3) ответственность при их реализации.

Обеспечению прав человека в досудебном производстве по уголовному делу посвятил доклад **д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (ИГП РАН)**. В первую очередь он указал на необходимость надлежащего выполнения требований о разъяснении участникам досудебного производства их процессуальных прав в доступной для восприятия форме. Проблемы, возникающие в следственной практике, обусловлены отсутствием должной правовой культуры следственных работников и несформированностью прикладных технологий. Эти проблемы

могут быть решены посредством надлежащего методического обеспечения следственной деятельности. Необходимо сформировать краткий унифицированный перечень базовых тезисов, позволяющих в доступной форме объяснить сущность и задачи проводимого процессуального действия, а также алгоритмы поведения участвующих в нем лиц. Соответствующие положения следует включить непосредственно в бланк протокола надлежащего процессуального действия. Форма разъяснения участникам досудебного производства их прав должна определяться с учетом наибольшей комфортности для их уяснения: одни лучше воспринимают информацию на слух; другие — визуально и т.д. Это потребует разработки принципиально новой прикладной методики, основанной на должном понимании следователями целей процедуры разъяснения участникам досудебного производства их прав.

Вопрос совместимости прав человека с имперской традицией был в центре внимания **канд. юрид. наук, доц. Е.Н. Кузнецовой (Самарский НИУ им. акад. С.П. Королева)**. Характерная для Российской Империи модель верховной власти — неограниченной, несменяемой, безответственной — фактически исключала институт прав человека. Советское государство частично унаследовало имперскую традицию. Максимальная централизация власти, отсутствие ее разделения на обособленные ветви не способствовали созданию условий для верховенства прав человека. Конституция РФ 1993 г., провозгласившая демократическое правовое федеративное государство, не привела к радикальному отказу от модели власти советского образца. Однако это первая в отечественной истории Конституция, в которой права и свободы человека были признаны высшей ценностью, что дает основания надеяться на преодоление имперской традиции, препятствующей их реализации.

Доклад **д-ра юрид. наук, проф. С.А. Глотова (Московский государственный областной университет)** был посвящен анализу поправок к Конституции РФ 2020 года социального характера. Реализация новых конституционных положений требует значительных человеческих, материальных и финансовых ресурсов, привлечение которых может оказаться весьма затруднительным в современных условиях. Но Российская Федерация осуществляет серьезный разворот в сторону активной и действенной социальной политики.

Российское социальное государство функционирует в условиях рыночной экономики, подчеркнул **канд. юрид. наук, доц. А.С. Сухоруков (УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева)**, поэтому повышенное внимание должно быть обращено на социальную защиту населения от различных негативных

экономических факторов. Это особенно актуально в современных условиях.

**С.В. Измestьев (Международная Славянская Академия наук, образования, искусств и культуры)** остановился на проблемах обеспечения прав человека и прав народов в условиях формирующегося глобального конституционализма.

**Вторая секция «Права человека: концептуальное осмысление в сравнительной перспективе»** была посвящена теоретическим интерпретациям прав человека и зарубежному опыту их обеспечения и защиты.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. М.В. Антонова (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)** отмечалось, что для большинства непозитивистов права человека представляют собой базис правопорядка как аксиоматической системы, критерий рационального обоснования и рациональной критики права. В этом смысле идея прав человека выдвигает претензию на объективность, отвергая сомнения в этом как аморальные, этически недопустимые и т.п. Таков, в частности, был контекст принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Однако для отрицания претензии прав человека на объективность есть как минимум три основания. Во-первых, это фактическое разнообразие правовых культур, которое без труда опровергает тезис об объективности любого набора прав человека, равно как и утверждение о том, что праву присуще некое неизменное содержание. Например, во многих правовых культурах не известны принципы кантовой этики, на которой основано современное понимание прав человека и человеческого достоинства в западной правовой традиции.

Во-вторых, неизбежность ошибок в познании (фаллибилизм). Любое научное знание принципиально не является окончательным. Оно есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая возможность последующей ее замены на лучшую интерпретацию. Поэтому, даже предполагая объективность прав человека, их существование невозможно исчерпывающе и окончательно установить. Если такой фаллибилизм принять, то от объективности прав человека остается только форма общезначимости (в смысле кантовой философии), лишенная содержания.

В-третьих, оценочные суждения, при помощи которых выражаются утверждения о правах человека, содержат лишь субъективные предпочтения отдельно взятого индивида, истинность которых невозможно верифицировать. Поэтому «самоочевидная истинность» прав человека остается предметом веры, а не научного знания.

Упование на объективность прав человека может привести к забвению того, что эти права

представляют собой не данность, а результат многовековой борьбы личности за освобождение от контроля и опеки государственных властей и общественного мнения. Права человека — хрупкое завоевание цивилизации права, для сохранения которого необходимо постоянно прикладывать усилия, а не сотрясать воздух не имеющими научного значения прокламациями об универсальности и объективности прав человека как абстрактной трансцендентальной идеи.

На определенную парадоксальность процессов универсализации прав человека обратила внимание **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**. Эта парадоксальность заложена в самой идее прав человека, предполагающей установление универсального правового статуса посредством признания за людьми формально равной свободы, а отсюда и возможности приобретать свои уникальные индивидуальные правовые статусы.

После Второй мировой войны обеспечение прав человека перестало быть внутренним делом государств, на международном уровне утвердились универсальные стандарты, поддерживаемые силами мирового сообщества. При этом права человека — безусловно, феномен западной правовой традиции, они не имманентны иным правовым культурам, которые прошли довольно сложный путь отношения к ним: от отторжения под лозунгом «нового империализма прав человека» до стремления обосновать свое видение прав человека в сопоставлении с западными концепциями. Само включение незападных государств в дискурс о правах человека, заявление ими своей позиции в отношении их понимания есть признание их универсальной значимости, стремление говорить с западными странами на одном языке, одновременно выдвигая требования уважать его «местные диалекты». Как правило, представители незападных государств констатируют совместимость в большинстве аспектов западных представлений о правах человека, выраженных в универсальных международных актах, со своими национальными традициями и преобладающими вероучениями, одновременно выступая против сугубо индивидуалистического понимания прав человека и акцентируя необходимость исполнения человеком своих обязанностей по отношению к Богу, государству, семье, общине, всему мирозданию. Универсальность прав человека — непереносимое условие легитимности апеллирования к ним при решении самых разных социально-политических проблем. Одновременно для универсальной легитимации прав человека необходимо признание их культурно-цивилизационного разнообразия.

Универсальность прав человека обычно трактуется как наличие у них единой природы, их

неделимости, взаимосвязанности и взаимозависимости. Между тем, если мы хотим реально обеспечивать различные виды прав человека, следует признать неуниверсальность (различие) пригодных для этого юридических механизмов. При этом чем выше универсальность (по числу и разнообразию участников) соглашения (договора) о правах человека, тем менее конкретны, а значит, и универсальны закрепляемые ими обязательства, слабее контроль за их исполнением. Весьма существенна разница между защитой прав человека в рамках ООН и региональных международных организаций.

Универсальное (в данном случае понимание прав человека) всегда проявляет себя (реализуется) через особенное, но в этом разнообразии должны сохраняться и раскрываться универсальные принципы. В правах человека они представлены в виде т.н. ядра (неизменной сущности) конкретных прав и смысла прав человека в целом. Основа универсальности прав человека — в трансцендентной истине сущностного тождества (единства) человеческой природы, отказ от уважения которой открывает путь к националистическим, этническим и религиозным войнам, преследованиям и геноциду.

Несмотря на общепризнанность ценности прав человека, отметил **канд. юрид. наук, доц. С.А. Денисов (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)**, в мире имеется много сил, стремящихся остановить их распространение. Права человека трудно «приживаются» в административных социальных системах, где человек рассматривается как средство для реализации государственных интересов. Государство, в котором отсутствует система сдержек и противовесов, может как обеспечивать права человека, так и пренебрегать ими. При этом права человека обычно закрепляются в нормативных правовых актах, но реализовать их на практике часто бывает невозможно. Ограничение прав человека, как правило, носит скрытый характер и осуществляется под благовидными предлогами защиты интересов общества, государства, иных лиц, а консервативные массы населения воспринимают нарушения их прав достаточно спокойно.

В докладе **канд. юрид. наук С.А. Грачевой (ИЗиСП при Правительстве РФ)** было обращено внимание на ключевое значение прав человека для обеспечения согласованности правового регулирования, правильного и единообразного применения права. Конституционное положение о непосредственном действии прав и свобод (ст. 18 Конституции РФ) означает необходимость их учета в правоприменительной деятельности наряду с источниками права, что, в свою очередь, требует определенности понимания прав человека. Непосредственное действие прав человека также предполагает презумпцию их надлежащей реализации

в актах позитивного права, но при этом допускает опровержение данной презумпции в результате судебного толкования законов и иных нормативных правовых актов в контексте обстоятельств конкретного дела. Такое функциональное осмысление непосредственного действия прав человека позволяет рассматривать их как имеющие развивающееся содержание, расширяющие сферу своего действия через судебную аргументацию. Отправление правосудия нацелено на согласованное применение и интерпретацию законов в свете стандартов в области прав и свобод человека. Данная направленность характерна не только для конституционного правосудия, но и отмечается в деятельности судов разного уровня, что служит важным условием справедливости правосудия и осуществления судебного нормоконтроля как одного из средств эффективной правовой защиты. Актуальным вопросом является совершенствование судебной аргументации в целях согласованного толкования законов и разрешения существующих коллизий между правовыми актами. Опора на права человека позволяет не ограничиваться при этом только иерархическим подходом.

Развитию системы прав человека на постсоветском пространстве посвятил свой доклад **канд. юрид. наук Н.С. Малютин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Интеграционные процессы в Евразии после распада СССР были ориентированы на коллективную безопасность, экономическое сотрудничество и иные вопросы, непосредственно не связанные с проблематикой прав человека. При этом только в СНГ существует системное регулирование прав человека, где особое внимание уделяется социально-экономическим правам. Учитывая исторический опыт развития государств на евразийском пространстве, а также отдельные позиции, все четче обозначающиеся в рамках ЕАЭС, формирование единой евразийской системы прав человека на основе именно социально-экономических прав следует признать наиболее перспективным. Такого рода интеграция может быть реализована как в рамках действующего в СНГ международно-правового регулирования, так и в обновленном формате в рамках ЕАЭС. По мнению докладчика, происходящие в настоящее время события должны в определенной степени переориентировать специалистов в области конституционного права на изучение и разработку евразийской доктрины в сфере прав человека с учетом развивающихся на континенте интеграционных процессов.

Международные стандарты в сфере борьбы с дискриминацией по признаку возраста были предметом внимания **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)**. Сегодня возрастная дискриминация признается глобальной проблемой, имеющей

серьезные последствия для общества в целом<sup>17</sup>. основополагающие акты ООН в области защиты прав человека, в частности Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Международные пакты о правах человека 1966 г.<sup>18</sup>, устанавливая общий запрет дискриминации, специально не называют возраст в качестве одного из возможных ее оснований. Однако в Международной конвенции о защите прав мигрантов и членов их семей<sup>19</sup> (ст. 7), Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин<sup>20</sup> (ст. 2), Конвенции о правах инвалидов<sup>21</sup> (ст. 8) данное основание уже выделяется. Начиная с 1990-х годов ООН стала уделять повышенное внимание дискриминации пожилых людей в сфере трудовых отношений, в области здравоохранения и социального обеспечения. Однако принимаемые акты носят рекомендательный характер. Аналогичные тенденции просматриваются и на региональном уровне. Наиболее разработанной является система защиты от дискриминации по признаку возраста на уровне ЕС. Запрет дискриминации по данному основанию специально предусматривается как первичным<sup>22</sup>, так и вторичным<sup>23</sup> правом ЕС, сложилась обширная практика Суда ЕС по соответствующим делам.

**Я.И. Лебедева (ИЗиСП при Правительстве РФ)** проанализировала правовые позиции Федерального конституционного суда Германии по делу *Right to be Forgotten II*<sup>24</sup>, которое многие исследователи рассматривают в качестве нового этапа его конфликта с ЕС. В данном деле подход Федерального конституционного суда Германии несколько

отличается от сформулированного в деле *Right to be Forgotten I*<sup>25</sup>, где вопрос касался дискреционных полномочий государств-членов, направленных на реализацию Общего регламента о хранении данных<sup>26</sup>. Федеральный конституционный суд постановил, что когда положения национального права приняты в рамках дискреционных полномочий, то к ним должен применяться не только Основной закон Германии, но и Хартия ЕС об основных правах. Сама возможность использования Хартии в качестве инструмента толкования Основного закона была использована впервые в практике Конституционного суда.

В деле *Right to be Forgotten II*, рассматривая себя в качестве полноценного «европейского суда», Федеральный конституционный суд Германии относит толкование и применение Хартии ЕС об основных правах к собственным полномочиям (ранее такие полномочия признавались за Судом ЕС и судами общей юрисдикции государств-членов). В качестве обоснования своих полномочий по толкованию и применению Хартии Конституционный суд указал на наличие у него конституционного мандата на защиту прав граждан и «ответственности за европейскую интеграцию». Федеральный конституционный суд обязался выносить решения только о применении актов Союза на территории Германии, а не об их действительности и выразил готовность поддерживать тесное сотрудничество с Судом ЕС. Конституционный суд заявил также, что будет придерживаться сравнительно-правового подхода в отношении применения Хартии, учитывая позиции высших судов иных государств — членов Союза, что соответствует популярным в современной науке идеям о конституционном плюрализме в Европе. Данную позицию Федерального конституционного суда Германии следует рассматривать в контексте более общих тенденций усиления роли конституционных судов на европейском пространстве.

Эволюцию установления конституционных ограничений прав человека проследила **канд. юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. В ранних конституциях либерального типа наряду с закреплением фундаментальных естественных прав человека (свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению — в Декларации прав

<sup>17</sup> См.: The Global Report of Ageism, 2021 // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240016866> (дата обращения: 10.11.2022).

<sup>18</sup> См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

<sup>19</sup> Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1990 г. (см.: Организация Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/migrant.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml) (дата обращения: 10.11.2022)).

<sup>20</sup> Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979 г. (см.: Организация Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/cedaw.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml) (дата обращения: 10.11.2022)).

<sup>21</sup> Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 г. (см.: Организация Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/disability.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml) (дата обращения: 10.11.2022)).

<sup>22</sup> См.: Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ. C326. 26 October 2012. P. 391–407.

<sup>23</sup> См.: Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ. L 303. Vol. 43. 2 December 2000. P. 16–22.

<sup>24</sup> См.: BverfG. Case Right to be Forgotten II, decision of 6 Nov. 2019. 1 BvR276/17 // Bundesverfassungsgericht. URL: [https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2019/11/rs20191106\\_1bvr027617en.html](https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2019/11/rs20191106_1bvr027617en.html) (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>25</sup> См.: BverfG. Case Right to be Forgotten I, decision of 6 Nov. 2019. BvR16/13 // Bundesverfassungsgericht. URL: [https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2019/11/rs20191106\\_1bvr001613en.html](https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2019/11/rs20191106_1bvr001613en.html) (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>26</sup> См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ. L 119. Vol. 59. 4 May 2016. P. 1–88.

человека и гражданина 1789 г.) и некоторых свобод (свободы слова, мнений, печати, собраний — в Конституции Франции 1791 г.) учредитель заботился об обеспечении прав других лиц, общественной безопасности, общественной пользе, которые признавались пределами осуществления провозглашаемых прав. В ряде случаев к основаниям ограничений прав относился также публичный порядок и предусматривалось принятие закона, который регулировал осуществление признаваемых прав. Следующим шагом к ограничению прав стало закрепление возможности приостановления гарантий неприкосновенности личности, жилища, а впоследствии и некоторых других прав в чрезвычайных обстоятельствах посредством принятия закона (например, ст. 308 Конституции Испании 1812 г., ст. 7, 8 Конституции Испании 1837 г.). Во второй половине XIX в. этот подход получил дальнейшее развитие. Положения ст. 92 Конституции Французской Республики 22 февраля VIII года (13 декабря 1799 г.), регламентирующие возможность приостановления действия конституции в чрезвычайных условиях, были заимствованы целым рядом стран. Такие экстраординарные временные меры требовали оформления законом. В XX в. во многих конституциях были существенно расширены возможности государства ограничивать права человека не только путем законодательной регламентации порядка пользования ими, но и посредством полного приостановления их действия во время введения чрезвычайных мер на основании актов глав государств и правительств.

В докладе **канд. юрид. наук Е.А. Войтович (МГИМО МИД России)** отмечалось, что в рейтингах, отражающих достижения государств в области прав и свобод, Австралийский Союз неизменно занимает высокие позиции. Чтобы понять, каким образом достигаются такие результаты при отсутствии единого кодифицированного акта, закрепляющего права и свободы человека, необходимо проанализировать источники права Австралии. В Конституции страны содержатся лишь отдельные положения, устанавливающие активное избирательное право, равноценное возмещение при отчуждении имущества, право на суд присяжных, свободу вероисповедания и принцип равного гражданства. В 1992 г. в нескольких судебных решениях Высший суд подтвердил наличие в Конституции Австралийского Союза подразумеваемых прав. Речь шла о свободе слова как политическом праве, без которого невозможна представительная демократия. Существенную роль в регулировании прав человека играет общее право — историческое наследие колониального периода, активно дополняемое практикой Высокого суда. Значительное влияние на право Австралии оказали и старейшие британские статуты, являющиеся элементами конституции

Великобритании и частью австралийского законодательства. Важнейшим источником прав и свобод являются международные акты, к которым присоединилась Австралия. В частности, в основе австралийских законов в области запрета дискриминации лежат международные договоры и конвенции. Таким образом, источники прав и свобод в Австралии не составляют единой системы, права и свободы, закрепленные в разных их видах, в значительной степени повторяются. С одной стороны, это можно рассматривать как недостаток, но с другой — такое дублирование позволяет эффективно использовать разнообразные способы защиты прав и свобод человека как в целом, так и применительно к конкретной ситуации.

Практику реализации социальных прав в Скандинавских странах проанализировал **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасов (ИГП РАН)**. Социальная политика Северных государств направлена на защиту своих жителей от всевозможных социальных рисков и обеспечение им экономической безопасности. Государство стремится к декоммодификации социальных прав, т.е. к ослаблению их зависимости, равно как и индивидуального, и группового благосостояния в целом, от действия рыночных сил.

Скандинавская социальная модель сталкивается с целым рядом проблем, связанных с глобализацией, притоком мигрантов, обострением конкуренции, ухудшением положения дел на рынке труда, старением населения и сокращением экономически активной его части. Принцип универсализма социального обеспечения постепенно утрачивает былую незыблемость. Растет понимание того, что государство не должно обеспечивать процветание всех граждан применительно к их повседневной жизни, оставаясь при этом гарантом социальной безопасности в кризисной ситуации.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, скандинавская социальная модель становится более экономической и рыночно ориентированной. В социальные отношения внедряется принцип «контрактualизации», предполагающий предоставление определенных благ в обмен на выполнение их получателями некоторых условий, что прежде всего проявляется в таких сферах, как занятость и образование. Сегодня признается, что социальное равенство и солидарность были достигнуты в Скандинавских государствах в определенном смысле за счет ограничения личной свободы, посредством позитивной дискриминации различных социально уязвимых групп населения, прогрессивного налогообложения, деформации оценки трудовой деятельности и активной перераспределительной политики.

Новеллы норвежского законодательства, содержащиеся в Законе о парламентском уполномоченном по контролю за администрацией от 18 июня

2021 г.<sup>27</sup>, проанализировала канд. юрид. наук, доц. **И.А. Ракитская (МГИМО МИД России)**. Должность омбудсмана по делам администрации в гражданской сфере была учреждена в Норвегии в 1962 г. Значительное влияние на этот институт оказали датская и шведская практика. В соответствии с Законом гражданский омбудсман теперь именуется парламентским уполномоченным по контролю за администрацией. Он призван контролировать деятельность публичной администрации и всех служащих с целью защиты лиц от несправедливости, обеспечения гарантий уважения публичной администрацией человека и соблюдения его прав (ст. 1). Кандидат на должность парламентского уполномоченного должен иметь высшее юридическое образование, соответствовать высоким требованиям в отношении академической квалификации и личных качеств, а также обладать обширным опытом в соответствующей сфере (ст. 30).

Закон предусматривает право парламентского уполномоченного при определенных обстоятельствах действовать по собственному усмотрению (например, в случае пропуска срока давности для подачи жалобы, при определении формы и условий проведения расследований, принятии обращения к рассмотрению, если не исчерпан административный порядок рассмотрения жалобы, и проч.). Кроме того, Закон регламентирует статус национального превентивного механизма, расширяющего права омбудсмана по контролю над условиями содержания лиц, лишенных свободы, и обеспечению предотвращения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказаний. В среднем омбудсман по контролю за администрацией получает от трех до четырех тысяч жалоб ежегодно. При этом в последние годы наметилась тенденция увеличения числа обращений.

В конституционно-правовой системе Норвегии институт омбудсмана признается традиционной ценностью, а также эффективным средством обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Доклад канд. юрид. наук, доц. **В.И. Чехариной (ИГП РАН)** был посвящен проблемам обеспечения прав женщин на прерывание беременности и правовой защиты плода в судебной практике зарубежных государств. Законодательство и практика западных стран, признавая право на жизнь, связывают его с правовым положением плода, основываясь на различных юридических аргументах. В связи с этим запрет аборт рассматривается как правило, а ситуации, в которых аборт

разрешен, — как исключение. При этом не все государства однозначно относятся к легализации доступа женщин к безопасным абортам.

Ужесточение подходов в отношении допустимости абортов было рассмотрено на примере США. В 1973 г. Верховный суд в деле *Roe v. Wade*<sup>28</sup> признал доступ к безопасным и законным абортам до жизнеспособности плода конституционным правом, однако в последние годы наметилась иная тенденция. В 2018 г. был принят Закон Миссисипи о запрете абортов на сроках, превышающих 15 недель беременности<sup>29</sup>, а в 2021 г. в Техасе вступил в силу Закон, предусматривающий запрет прерывать беременность после шестой недели, т.е. с момента, когда у плода обнаруживают сердцебиение<sup>30</sup>. 24 июня 2022 г. Верховный суд вынес решение по делу *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*<sup>31</sup>, в котором, рассмотрев Закон Миссисипи, признал, что Конституция США не гарантирует право на аборт. Тем самым была открыта возможность не только для пересмотра законов об абортах другими штатами, но и создан опасный прецедент для уклонения от реализации других прав, признанных конституционными.

**В.В. Пчелинцева (МГИМО МИД России)** проследила влияние исламской религиозной традиции на выполнение международных обязательств государств — членов Организации исламского сотрудничества (ОИС) в области защиты прав человека. В исламской правовой доктрине разработка концепции прав человека началась с принятием первых универсальных международных актов о защите и поощрении прав человека. Впоследствии концепция прав человека государств — членов ОИС была закреплена в региональных и межрегиональных международных актах. Со вступлением в ООН исламские государства не отказались от соблюдения предписаний шариата при осуществлении международного сотрудничества. Концепции и институты исламского права применяются

<sup>28</sup> См.: US Supreme Court. *Roe v. Wade*, 410 U.S. 113 (1973). No. 70-18. Argued December, 13, 1971. Reargued October, 11, 1972. Decided January, 22, 1973 // Justia US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/> (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>29</sup> См.: Mississippi Code. § 41-41-191 (2018) Gestational Age Act // Justia US Law. URL: <https://law.justia.com/codes/mississippi/2018/title-41/chapter-41/gestational-age-act/section-41-41-191/> (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>30</sup> См.: An Act relating on abortion, including abortion after detection of an unborn child's heartbeat; authorizing a private civil right of action // LegiScan. URL: <https://legiscan.com/TX/text/SB8/id/2395961> (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>31</sup> См.: *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* No. 19-1392. Argued December, 1, 2021 — Decided June, 24, 2022 // US Supreme Court. URL: [https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/19-1392\\_6j37.pdf](https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/19-1392_6j37.pdf) (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>27</sup> См.: Lov om Stortingets ombud for kontroll med forvaltningen (sivilombudsløven). LOV-2021-06-18-121 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2021-06-18-121> (дата обращения: 21.11.2022).

в деятельности межрегиональных (ОИС) и универсальных (ООН) международных организаций. В связи с процессами «исламского возрождения» в национальном праве государств — членов ОИС следует ожидать усиления влияния исламской правовой доктрины на международное сотрудничество в области защиты и поощрения прав человека на универсальном и региональном уровнях.

Альтернативный восточный подход к правам человека на примере их понимания и регулирования в Китае рассмотрела **канд. юрид. наук, доц. О.О. Базина (МГИМО МИД России)**. Заместитель Председателя Комиссии ООН по правам человека, представитель Китая Чжан Пэнчунь (张彭春) в процессе разработки Всеобщей декларации прав человека обратил внимание на односторонний западный подход к их пониманию без учета опыта, накопленного восточной цивилизацией, и отметил, что при подготовке предварительного текста Декларации стоило бы потратить некоторое время на изучение основ конфуцианства. Современная концепция прав человека в Китае основывается на традициях конфуцианства и марксизма. В соответствии с учением Конфуция у каждого человека есть четко определенные обязанности, прежде всего — самосовершенствование и законопослушание, умение довольствоваться малым, признание приоритета общего блага. Коллективные права преобладают над индивидуальными правами, а личных прав чаще всего просто нет. Согласно марксистскому учению права и свободы человека определяются его положением в социально-экономической структуре общества, человек находит свою ценность во взаимодействии с обществом.

**Ле Хуинь Дык (РАНХиГС при Президенте РФ)** также обратил внимание на то, что в Азии восприятие человека и его отношений с сообществом отличается от европейских подходов. Азиатские общества ориентированы на семью, а не на человека; они ставят экономические и социальные права выше политических прав. Право народов на самоопределение, по его мнению, предполагает их самостоятельность в признании прав человека.

Органы государственной власти Вьетнама не отрицают основные права человека, но не позволяют их использовать для вмешательства во внутренние дела страны в политических и экономических целях. Недавно внимание академического сообщества страны привлекла диссертация по юриспруденции известного буддийского монаха Тич Чан Куанга (светское имя — Вьюнг Тан Вьет) «Обязанности человека», в которой утверждалось, что положения о правах и обязанностях человека в международном и вьетнамском праве не сбалансированы, значение прав человека сильно преувеличено. Между тем реализация прав человека в справедливом обществе

гарантируется исполнением обязанностей. Целью концепции прав человека является обеспечение мирной и счастливой жизни, а концепции обязанностей — создание ресурсов для общества и условий для достойной жизни людей. Автор диссертации предложил принять Глобальную декларацию обязанностей человека, его идеи получили поддержку во вьетнамском обществе.

С точки зрения докладчика, концепция универсальных ценностей есть результат соглашения. В настоящее время необходима дискуссия для определения коннотации термина прав человека в более справедливом мире, где незападные ценности также важны для благополучия человечества на планете, как и западные. Для достижения межкультурного взаимопонимания нужны практические меры, для осуществления которых сегодня сложились необходимые условия.

**Нгуен Шон Нам (РУДН)** рассказал о специфике реализации свободы вероисповедания во Вьетнаме. На содержание свободы вероисповедания оказывают влияние, с одной стороны, национальные традиции, способствующие его расширению, а с другой — интересы обеспечения государственного суверенитета, предопределяющие его ограничения.

Проведение политики обновления во Вьетнаме (с 1986 г.) характеризуется, среди прочего, возрождением традиционных ценностей и традиционных национальных верований, в том числе распространением на последние гарантий свободы вероисповедания<sup>32</sup>. Постановление Постоянного комитета Национального собрания Вьетнама от 18 июня 2004 г. № 21 «О религиях и традиционных национальных верованиях» впервые законодательстве урегулировало общественные отношения, связанные с традиционными национальными верованиями. А в 2016 г. вьетнамский законодатель справился со сложной юридико-технической задачей, которую во многих странах даже не пытаются решить: разграничил понятия «религия» и «верование» по двум критериям — наличию религиозной доктрины и организационной структуры, объединяющей верующих. В ст. 2 Закона Вьетнама от 18 ноября 2016 г. № 2 «О религиях и традиционных национальных верованиях» верование определяется как вера человека, которая выражается через ритуалы, связанные с традиционными обычаями и практиками, в целях сохранения

<sup>32</sup> Во вьетнамской юридической доктрине и практике различают религии (наиболее распространенные в стране — буддизм (в разных видах), конфуцианство, даосизм, католичество) и традиционные национальные верования, восходящие к народной культуре «водяного риса» (культура Донгшон), важнейшими составляющими которой являются представление о том, что «у всего есть душа», и поклонение предкам.

и развития духовного мира каждого человека и общества. В ст. 3 Закона закрепляется, что государство сохраняет и продвигает положительные ценности национальной культуры и традиций. Благодаря данному Закону традиционные верования обрели государственные гарантии своего существования и развития, а учреждения, связанные с верованиями, получили правовую основу для проведения мероприятий и праздников, способствующих возрождению народного фольклора и традиционной культуры.

Вместе с тем Конституция (п. 2 ст. 14) и законодательство Вьетнама запрещают деятельность, связанную с верованиями, и религиозную деятельность при наличии целого ряда оснований в частности, если это затрагивает национальную оборону и безопасность и национальный суверенитет. Однако Международный пакт о гражданских и политических правах, который ратифицировал Вьетнам, не допускает ограничение свободы вероисповедания по данным основаниям. Признание интересов национальной безопасности в качестве основания для ограничения свободы вероисповедания свидетельствует о том, что принципу государственного суверенитета придается приоритет по сравнению с принципом универсальности стандартов прав человека. Допустимость ограничения прав человека, в том числе и свободы вероисповедания, в целях обеспечения безопасности государства является, по мнению докладчика, выбором каждой страны, поскольку отсутствует глобальный консенсус по поводу соотношения двух принципов — универсальности стандартов прав человека и уважения государственного суверенитета.

**А.И. Рыбин (НИУ ВШЭ)** проанализировал критическую теорию прав человека К. Дузи́наса, изложенную в его фундаментальном труде «Конец прав человека: критическая мысль на рубеже веков»<sup>33</sup>. Вслед за Ф. Фукуямой К. Дузи́нас провозглашает конец истории, под которым он понимает окончательную победу либеральной идеи прав человека над всеми другими идеологиями и метанарративами. Однако XX в. вряд ли может называться эпохой торжества прав человека, ведь именно тогда человечество стало свидетелем беспрецедентного количества их нарушений. Такой разрыв между доктриной прав человека и практикой их воплощения заставляет усомниться в том, что либерализм преуспел в философском объяснении их природы и смысла. В связи с этим Дузи́нас предпринимает историческую ревизию теории прав человека, анализирует ее связь с естественным правом, ее либеральные истоки и вскрывает противоречия, лежащие в их основе. Такая рефлексия, с его точки

зрения, необходима для того, чтобы спасти права человека от их окончательной институционализации и размывания. После осмысления текущего состояния идеологии прав человека Дузи́нас предлагает свою теорию прав человека, которую он выстраивает на базе континентальной философии. Представляется, что изучение критической теории К. Дузи́наса может существенно обогатить дискуссии о правах человека в отечественной теории и философии права.

**С.П. Малышкин (НИУ ВШЭ)** обратил внимание на значение легитимации права для защиты прав человека. Легитимация права — это процесс, посредством которого происходит признание субъектами права его норм. Права человека, понимаемые как естественные и неотчуждаемые, являются самоочевидными, но их артикуляция происходит только в момент защиты нарушенного права. Поэтому в рамках коммуникативной парадигмы права человека существуют лишь в процессе их защиты, т.е. юридической коммуникации о необходимости их существования. Такое динамическое понимание прав человека может способствовать их «реабилитации», преодолеть фиксируемое снижение их легитимности.

Современное состояние дискуссий о правах человека охарактеризовал **канд. юрид. наук Э.В. Габрелян (РАНХиГС при Президенте РФ)**. Данная тематика обсуждается на специфическом интеллектуальном фоне, в ситуации политического, идеологического и ценностного противостояния, как на национальном, так и на международном уровне. При этом история прав человека — это не столько история их теоретического обоснования, сколько история возникновения и развития эффективных институтов защиты индивидуальной свободы, прежде всего судебных.

В центре внимания **третьей секции «Права человека в новой реальности»** находились вопросы реализации прав человека в условиях использования современных достижений нейронаук, геномной инженерии и цифровых технологий.

По мнению **д-ра юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский НИГУ)**, сегодня формируются представления об антропологическом биоконституционализме и нейроконституционализме, которые являются новыми интегративными категориями, возникающими в результате конвергенции конституционной теории, новых прав человека, нормативных и этических требований к взаимодействию социального, биологического и правового порядка в условиях развития нейротехнологий. Нейроконституционализм предполагает признание специфических прав человека в области нейротехнологий и нейроправа в целях достижения нейроэтического благополучия, основанного на уважении

<sup>33</sup> Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Thought at the Turn of the Century. Oxford; Portland, 2020.

и поддержании когнитивного достоинства человека и человечества. Нейроконституционализм, как и биоконституционализм, призван играть стратегическую роль в формировании современного естественного и социального порядка, предполагающего наличие правовых основ улучшения когнитивных и биологических возможностей человека. Нейроконституционализм базируется на принципах биоэтики и нейроэтики, в рамках которых доминирующее место занимают принципы уважения человеческого достоинства и культурного многообразия, уязвимости и автономии человека, солидарности и взаимности. С учетом этих принципов происходит формирование нового поколения прав человека в сфере биоправа и нейроправа. Основой для признания новых нейроправ может стать концепт когнитивного достоинства, которое предполагает необходимость правовых гарантий прав человека при научном и медицинском использовании нейротехнологий, в том числе при «чтении мозга» и проведении нейроисследований, направленных на улучшение когнитивных возможностей человека.

Современный дискурс о нейроправах (термин введен М. Иэнка и Р. Андорно в 2017 г.), как отметила канд. юрид. наук, доц. **Н.Ф. Ковкель (Белорусский государственный университет)**, является вторым этапом развития междисциплинарного взаимодействия юриспруденции и когнитивных наук, которое началось в первом десятилетии XXI в. с обсуждения проблем когнитивной свободы (Р.Г. Буар, Р. Сентенция, Я.-К. Бублиц и др.). В науке обосновываются две основные группы нейроправ. Фонд нейроправ под идейным руководством Р. Юсте продвигает пять нейроправ: право на личную идентичность, свободу воли, психическую конфиденциальность, справедливый доступ к когнитивному усовершенствованию, защиту от алгоритмической предвзятости. М. Иэнка и Р. Андорно обосновывают четыре нейроправа: когнитивная свобода, право на конфиденциальность психической жизни (ментальную приватность), психическую неприкосновенность, психологическую преемственность. Обе эти группы нейроправ недостаточно концептуально проработаны; требуется детальный анализ каждого из предлагаемых прав, выявление их корреляции с существующей международной системой прав человека и механизмами их защиты. При этом современная система прав человека нуждается в разработке новой концепции идентичности человека на биологическом, психологическом и социальном уровнях.

Дальнейшая разработка нейроправ представляется перспективной, а отказ от них из опасений инфляции прав человека, нейроэссенциализма и нейроисключительности недопустимым. В современных исследованиях прав человека необходимо использовать разнообразные модели, разработанные в когнитивных науках. Например, для

обнаружения ситуаций нарушения прав человека является продуктивным использование контекстных ментальных моделей Т. ван Дейка.

В докладе д-ра юрид. наук, доц. **А.А. Троицкой (МГУ им. М.В. Ломоносова)** были раскрыты базовая идея и цели применения технологий редактирования к геному человека (особенно CRISPR/Cas9), а также те опасения, которые вызывают перспективы фундаментальных исследований этих технологий, внедрение их в клинические испытания и практику лечения. Нацеленная мутация ДНК человека или изменение экспликации генов, что и есть сущность и цель генетического редактирования, теоретически может проводиться в медицинских и немедицинских целях, на пренатальной (в том числе предимплантационной в случае ЭКО) и постнатальной стадиях развития организма, выполняться в отношении соматических клеток или зародышевой линии (гамет или эмбриона на ранней стадии развития, до дифференциации клеток). Опасения, связанные с использованием таких технологий, условно могут быть подразделены на медицинские (точность и эффективность редактирования, мозаицизм и др.), этические (риски для достоинства и автономии личности), социальные (перспективы евгенического отбора, дискриминации людей по генетическим признакам, риски несправедливого распределения ресурсов в обществе).

Один из самых серьезных вопросов связан с перспективами экспериментов на эмбрионах. Создание эмбрионов специально для этих целей (запрещенное некоторыми международно-правовыми инструментами, в частности Конвенцией о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенцией о правах человека и биомедицине от 04.04.1997 г.<sup>34</sup>) выглядит достаточно сомнительным. В частности, репрогенетические технологии позволяют использовать для фундаментальных исследований по редактированию эмбрионы, забракованные при циклах вспомогательных репродуктивных технологий, что уже делается в некоторых зарубежных странах и фактически не запрещено в России.

В целом, по мнению докладчика, в отношении генетических технологий необходимо переходить от дилеммы запрета / разрешения к более прагматическим подходам с учетом взаимосвязей решений в различных сферах и применимого в России зарубежного опыта и постепенно «нащупывать»

<sup>34</sup> См.: Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS No. 164) // Council of Europe. Treaty Office. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=164> (дата обращения: 14.11.2022).

правильную стратегию, которая может включать разрешительный порядок проведения экспериментов, работу специальных этических комитетов, отслеживание результатов исследований, акцентирование целей, связанных с защитой здоровья.

Проблема правовых гарантий для участников геномных исследований (доноров и реципиентов генетического материала, биобанков, научных и медицинских организаций, работающих с геномным материалом) поднималась в докладе **канд. юрид. наук С.Б. Нанбы (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Такие гарантии определяются детализацией, качеством и эффективностью регулирования прав и обязанностей участников геномных исследований, условиями оборотоспособности генетического материала при соблюдении имущественных и личных неимущественных прав указанных субъектов. При проведении биомедицинских исследований, предусматривающих получение информации о генетических данных участника исследования, необходимо гарантировать соблюдение требований, предъявляемых к этой процедуре законодательством, а также общепризнанными принципами и нормами международного права. Генетические данные как особая категория персональных данных должны получить законодательное определение и защиту. Информация, содержащаяся в тканях и органах, относится к персональным данным и является объектом личных неимущественных прав, в то время как ее материальный носитель имеет вещно-правовую природу. Именно этим обусловлена необходимость нормативного определения правового режима генетической информации и ее материальных носителей как в гражданском, так и в информационном и социальном законодательстве.

Среди новых прав человека **канд. юрид. наук, доц. И.А. Алешкова (ИНИОН РАН)** выделила право на биологическую неприкосновенность, которое, будучи самостоятельным субъективным правом, представляет собой комплекс правомочий и запретов, обеспечивающих благополучное естественное биологическое существование человека. Это право означает правовую возможность человека быть защищенным от каких-либо посягательств на его естественную биологическую природу. Право на биологическую неприкосновенность есть элемент выделяемого проф. И.А. Умновой-Конюховой комплексного личного права интеграционного типа — права быть человеком. Биологическая неприкосновенность означает недопустимость воздействия на половую, геномную и физическую идентичность человека. В целом рассматриваемое право направлено на сохранение традиционной естественности человека и его индивидуальной целостности, а также на создание гарантий биологической безопасности человека.

Несмотря на то что данное право не получило конституционного закрепления и должного развития в отечественном законодательстве, в России предпринят ряд шагов в целях обеспечения отдельных элементов его содержания. В частности, сохранение традиционной естественности человека обеспечивается посредством запрета на выбор пола будущего ребенка при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом (ч. 4 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»<sup>35</sup>), а также запретами редактирования генома человека, клонирования, стерилизации и др.

Представляется, что право на биологическую неприкосновенность есть гарантия права на уважение человеческого достоинства, которое, в свою очередь, предопределяет содержание всех других прав человека.

Разнообразные риски, связанные с использованием технологий больших данных, обсуждались в докладе **д-ра юрид. наук Э.В. Талапиной (ИГП РАН)**. В настоящее время данный вопрос не урегулирован, государство и частные субъекты могут использовать большие данные для принятия решений в отношении своей деятельности, затрагивающей разных лиц (граждан, клиентов, работников). По сути, единственным ограничением такой практики служат этические нормы. Ситуация неурегулированности сама по себе создает риски для прав и свобод человека. При этом наибольшую угрозу неприкосновенности частной жизни и защите персональных данных представляет сочетание технологий искусственного интеллекта и больших данных, поскольку обе эти технологии используются для профилирования граждан.

Проблема определения правового режима персональных данных, полученных в составе больших данных и, следовательно, не подпадающих под сферу действия законодательства о защите персональных данных, приобретает особую актуальность. В Интернете представлена информация о частных лицах, исходящая как от самого лица — субъекта данных, так и от других пользователей, причем она может содержать подлинные и ложные, актуальные и устаревшие данные, как правило, без указания на их точность или достоверность. В связи с этим встает вопрос о качестве больших данных и перспективе принятия на их основе верных решений. Кроме того, неосведомленность граждан о том, что их данные обрабатываются в составе больших данных, фактически блокирует любую защиту прав и свобод, которые могут быть при этом нарушены. Все

<sup>35</sup> См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

эти проблемы нуждаются в аналитическом осмыслении и нормативном урегулировании.

В докладе **канд. юрид. наук А.Г. Дейнеко (НИУ ВШЭ)** отмечалось, что нормативное регулирование отношений, связанных с применением искусственного интеллекта, в значительной степени ориентировано на создание льготных правовых режимов для использования технологий и данных. Это приводит к тому, что вопрос о принципиальной совместимости некоторых технологий искусственного интеллекта с идеей прав и свобод человека уходит на второй план. Искусственный интеллект становится не просто средой взаимодействия или способом реализации гражданских прав, но фактически самостоятельным участником общественных отношений. При этом обилие документов стратегического развития и различного рода этических кодексов в сфере искусственного интеллекта способствует выхолащиванию идеи необходимости нормативно-правового регулирования данных отношений.

Одной из технологий, представляющих наибольшую угрозу для личных прав и свобод человека, являются системы уличного видеонаблюдения, способные распознавать изображения граждан с невероятной точностью. Использование таких систем для поиска лиц, уклоняющихся от правосудия, представляет собой оперативно-розыскное мероприятие и должно проводиться с соблюдением процессуальных требований. Недопустимо передавать полномочия по управлению такими системами гражданским операторам, не обладающим соответствующим правовым статусом. В противном случае это приведет к росту предложений по поиску информации о перемещении лиц и утечкам чувствительных для государства и общества данных на «черном» рынке.

Отсутствие четких правил в сфере применения искусственного интеллекта создает угрозы и для реализации социальных прав. В сфере трудовых прав актуальна проблема слежки работодателей за сотрудниками, также существует перспектива замещения десятков тысяч низкоквалифицированных работников роботизированными механизмами. В области охраны здоровья высок риск коммерциализации сведений, составляющих врачебную тайну. Необходимо, чтобы любые назначения и рекомендации, данные искусственным интеллектом, проходили контроль врача. В сфере образования следует уделить особое внимание предотвращению дискриминации учащихся при определении искусственным интеллектом их «траектории развития».

Формирующееся правовое регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта должно базироваться на определенных принципах. В частности, решения органов публичной власти о внедрении искусственного интеллекта в любую сферу

общественных отношений должны сопровождаться независимым правозащитным аудитом проектов решений, включающим оценку рисков для основных прав и свобод человека, подходы к их фиксации и минимизации.

**Д.А. Черноусов (Московский-финансово юридический университет (МФЮА))** остановился на проблемах использования систем на основе искусственного интеллекта в судах, тех возможностях и рисках, которые они создают для реализации прав человека. По его мнению, применение таких систем при отправлении правосудия позволит обеспечить равную защиту закона без какой-либо дискриминации, эффективное восстановление нарушенных прав, повысить скорость и исполняемость решений вне зависимости от «человеческого фактора». К рискам использования систем на основе искусственного интеллекта в судах докладчик отнес возможность их взлома и невозможность полного понимания всеми участниками процесса принципов их работы. В целом никакое использование искусственного интеллекта не способно заменить судью-человека в процессе отправления правосудия.

Вопросы регулирования хранения персональных данных в сфере телекоммуникаций рассмотрел **канд. юрид. наук, доц. И.П. Кененова (МГУ им. М.В. Ломоносова)**. Устанавливаемые правила призваны обеспечить безопасность данных и не вести к чрезмерному ограничению права на неприкосновенность частной жизни. Анализ решений Суда ЕС, Европейского Суда по правам человека, Федерального конституционного и Федерального административного судов Германии показывает, что все эти суды оценивают качество соответствующих законов, исходя из таких критериев, как наличие легитимной цели хранения данных и соразмерность вмешательства в право на уважение частной жизни и защиту персональных данных необходимости обеспечения какого-либо общественно значимого блага. Общей тенденцией при этом являются расширение возможностей хранения данных в общественно значимых целях и увеличение диапазона допустимых ограничений права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных, что объясняется ростом угроз безопасности. Подход отечественного законодателя к регулированию хранения персональных данных в сфере телекоммуникаций соответствует данной тенденции, однако в России уделяется меньше внимания процессуальным аспектам принимаемых мер.

В докладе **PhD Н. Саулен (Институт парламентаризма (Республика Казахстан))** указывалось, что вопросы защиты частной жизни и персональных данных приобрели большую актуальность. В Республике Казахстан количество «утечек» персональных данных и платежной информации за последние годы

существенно увеличилось. В условиях развития и всемирного использования информационных технологий все более очевидной становится необходимость закрепления положений о защите частной жизни человека в информационном пространстве в международном праве.

**С.А. Карпов (ИГП РАН)** обратил внимание на то, что в цифровую эпоху одна из важнейших составляющих достоинства человека — его информационное самоопределение. Достоинство человека неразрывно связано с представлениями о его автономии и самоопределении и предполагает возможность человека контролировать свою жизнь и принимать самостоятельные решения. Однако развитие технологий сбора персональных данных приводит к постепенной утрате человеком контроля над своей жизнью и, следовательно, к ущемлению его достоинства. Практически неограниченный сбор данных удерживает человека от свободного самоопределения из страха привлечения к себе излишнего внимания. Такое самоограничение несет угрозу демократическому порядку, основанному во многом как раз на разнообразии людей. Кроме того, существуют возможности использования персональных данных для выявления привычек и предпочтений человека и манипуляции общественным мнением.

Впервые на угрозу для достоинства человека при неограниченном сборе персональных данных указал **Федеральный конституционный суд Германии** в 1983 г. В деле о переписи населения он вывел из конституционных прав на достоинство и свободное развитие личности право на информационное самоопределение, которое заключается в «возможности человека определять, кому и до каких пределов раскрывать информацию о себе» и «контролировать информацию о самом себе»<sup>36</sup>. Отчасти идея, заложенная в праве на информационное самоопределение, находит свое выражение в праве на защиту персональных данных. Но сейчас основное внимание уделяется процедурным аспектам защиты данных и выхолащивается ценностная составляющая этого права.

В докладе **канд. юрид. наук А.Е. Помазанского (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассматривались вопросы реализации избирательных прав граждан в условиях цифровизации избирательного процесса. Ранее основное внимание уделялось уточнению гарантий реализации пассивного избирательного права (изменения порядка проведения предвыборной агитации, финансирования выборов и т.д.), однако в последнее время вектор сместился в сферу расширения возможностей реализации активного

избирательного права. Начало данному процессу было положено Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П<sup>37</sup>, в котором, в частности, указывалось, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности. Логичным продолжением такой законодательной политики стало внедрение процедуры дистанционного электронного голосования (п. 3 мотивировочной части). С точки зрения реализации активного избирательного права данная субсидиарная форма голосования на выборах обладает рядом достоинств (предоставление избирателям возможности голосовать вне избирательных участков и помещений для голосования, снижение общих затрат на организацию и проведение выборов или референдумов, оперативное обнародование результатов выборов или референдумов и т.п.). В то же время реализация данных законодательных решений выявила ряд серьезных недостатков. В правовом регулировании дистанционного электронного голосования преобладают отсылочные и бланкетные нормы, наделяющие Центральную избирательную комиссию РФ правом регулирования соответствующих отношений. Преследуя цель расширения возможностей участия граждан в демократических процедурах, связанных с формированием органов публичной власти, путем внедрения современных информационных телекоммуникационных технологий, законодатель не предусмотрел надлежащие гарантии, призванные обеспечить подлинность и справедливость избирательного процесса и его результатов.

**И.Ю. Пашенко (аппарат Избирательной комиссии Краснодарского края)** остановился на проблемах формирования особых цифровых прав, к которым предложил отнести права, возникающие у пользователей информационных систем и информационно-коммуникационных сетей. Цифровые права, по его мнению, могут возникать как посредством государственного санкционирования, так и на основе правил информационной системы, которые устанавливают ее владелец или оператор. Особая значимость публично-правового регулирования проявляется в том, что именно оно должно определять субъектов, которые могут устанавливать правила в рамках информационных систем, условия и пределы их полномочий.

<sup>36</sup> BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 15. Dezember 1983-1 BvR209/83-, Rn. 1-215 // Bundesverfassungsgericht. URL: [https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215\\_1bvr020983.html;jsessionid=0252C37A813092186788E31EA6D8B316.1\\_cid344](https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html;jsessionid=0252C37A813092186788E31EA6D8B316.1_cid344) (дата обращения: 21.11.2022).

<sup>37</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Владимирской области» // СЗ РФ. 2014. № 16, ст. 1922.

Цифровые права производны от права на информацию, которое в условиях цифровизации общественной жизни получает «новое прочтение». В основе цифровых прав лежит возможность получения доступа к информации независимо от формы ее представления. При этом технические приспособления, технологии и цифровые каналы связи необходимо рассматривать лишь как средства или условия для реализации цифровых прав. Целесообразно проводить различие между цифровыми правами и электронной формой реализации прав. Право, которое может быть реализовано как в электронной форме (например, получение государственной услуги через официальный сайт органа), так и посредством фактических действий (например, получение государственной услуги при личном посещении соответствующего органа), не является цифровым по своей сути. Цифровое право реализуется исключительно в виртуальной среде, поэтому имеет специальную форму выражения. Во-первых, цифровые права не существуют вне информационной системы; во-вторых, цифровые права имеют внутреннюю форму организации (содержание) в рамках информационной системы.

Сегодня цифровые права — предмет частноправового регулирования как объекты гражданских прав, что подчеркивает их имущественную принадлежность и коммерческое предназначение. Однако это не исключает возможности и необходимости разработки публично-правовой концепции цифровых прав, хотя использование правовых омонимов и придание им разных смысловых значений не является оптимальным подходом ни в теории, ни в правотворчестве.

Цифровые права в публично-правовом смысле можно рассматривать в качестве особой разновидности прав, реализуемых в рамках информационной системы посредством доступа к информации, предоставляемой в публичном интересе. Другим примером цифрового права может быть право, позволяющее гражданину принять участие в сети Интернет в решении вопросов местного значения (в частности, выборе территорий для благоустройства в границах муниципального образования). Для такого права нет альтернативной формы реализации (помимо сети Интернет), поскольку это было бы сопряжено с высокими финансовыми затратами и организационными сложностями. Между тем право принять участие в выборах посредством дистанционного электронного голосования не является цифровым правом, так как существуют и иные формы реализации волеизъявления. С развитием цифровой среды и ее правового регулирования появится все больше цифровых прав, которые будут приобретать общие черты и закономерности регулирования, что позволит уверенно утверждать о наличии у них специфических юридических признаков.

В докладе **канд. юрид. наук Е.А. Савченко (ИЗиСП при Правительстве РФ)** обращалось внимание на то, что квантовые технологии могут обеспечить высокий уровень защиты т.н. цифровых прав путем перехода государственных информационных систем на оптическую связь. Технологии беспроводной связи, а также виртуальной и дополненной реальности (VR/AR-технологии) выводят реализацию цифровых прав на принципиально новый уровень.

По мнению докладчика, цифровые права — это либо объекты гражданских прав, либо новая форма основных прав, предлагающая дополнительные возможности для их реализации. К базисным цифровым правам человека можно отнести: право доступа в электронные сети, право свободно общаться и выражать мнения в Сети, право на неприкосновенность частной жизни и обеспечение защиты сетевого общения, право на защиту от произвольного вторжения в сетевое общение, право на использование электронных технологических ресурсов (криптографии) в целях защиты от внешнего вторжения в сетевое общение и др.

Необходима системная политика защиты прав человека при активном использовании цифровых технологий, гарантирующая равный доступ граждан к соответствующей инфраструктуре, полноту и достоверность информации в их цифровом профиле, обеспечение конфиденциальности и защищенности персональных данных в информационных системах.

На актуальность внедрения цифрового диалога между населением и органами публичной власти в контексте обеспечения доступа к порталам данных органов при получении государственных и муниципальных услуг обратила внимание **канд. юрид. наук, доц. Э.В. Малиненко (Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)**.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. С.А. Бурьянова и М.С. Бурьянова (МГПУ)** подчеркивалось, что инновационные цифровые технологии (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей, киберфизические системы) не только открывают новые возможности для развития, но и порождают серьезные угрозы глобальной безопасности, такие как цифровое неравенство, цифровая слежка, контроль сверхсильного искусственного интеллекта и др. Некоторые из этих угроз ставят под вопрос само существование человеческой цивилизации, поэтому способы их нейтрализации надо искать на международном уровне. Одним из них могло бы стать принятие в рамках ООН декларации, а затем и Конвенции глобальных цифровых прав человека.

## REFERENCES

1. *Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Thought at the Turn of the Century. Oxford; Portland, 2020.*

**Сведения об авторах**

**ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна** —  
кандидат юридических наук, доцент, ведущий  
научный сотрудник сектора прав человека  
Института государства и права Российской  
академии наук; 119019 г. Москва,  
ул. Знаменка, д. 10

**ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна** —  
доктор юридических наук, доцент, главный  
научный сотрудник сектора прав человека  
Института государства и права Российской  
академии наук; 119019 г. Москва,  
ул. Знаменка, д. 10

**Authors' information**

**VARLAMOVA Natalia V.** —  
PhD in Law, Associate Professor, Leading  
Researcher, Department of the Human Rights,  
Institute of State and Law of the Russian Academy  
of Sciences; 10 Znamenka str.,  
119019 Moscow, Russia

**VASILIEVA Tatiana A.** —  
Doctor of Law, Associate Professor, Chief  
Researcher, Department of the Human Rights,  
Institute of State and Law of the Russian Academy  
of Sciences; 10 Znamenka str.,  
119019 Moscow, Russia